

К 80-летию Н. Л. ЛЕЙДЕРМАНА (из материалов XXII Всероссийской конференции «Литературная репутация как культурный механизм», 29–30 марта 2019 г., Екатеринбург)

Быков Л. П.
Екатеринбург, Россия
ORCID ID: 0000-0002-2741-5957
E-mail: bykov0947@yandex.ru

УДК 82.0
DOI 10.26170/FK19-02-08
БКШ Ш3-017
ГСНТИ 17.07.29
Код ВАК 10.01.08

РЕПУТАЦИЯ В ЛИТЕРАТУРЕ: ЗАМЕТКИ К ТЕМЕ

Аннотация. В статье, имеющей постановочный характер, обозначены различные варианты применимости этической категории «репутация» к литературным реалиям и литературному процессу. Публичность творческой деятельности особенно актуализирует проблему репутации автора. Внимание к внелитературной стороне жизни писателя обозначилось впервые в эпоху романтизма, и все же в XIX столетии текст стихотворения, поэмы и, тем более, прозаического произведения обладал презумпцией самодостаточности. Ситуация принципиально изменилась в эпоху Серебряного века: в XX веке, не говоря уже о XXI-м, человечество оказалось под властью больших, очень больших цифр, с которыми просто буквам, в каком бы совершенном порядке они ни предстали, соперничать крайне проблематично. Самих букв явный переизбыток. Мир тонет в океане слов, захлестывающих нас со страниц газет, журналов, книг, из наушников, с экрана телевизора, а с недавних пор – еще и компьютера. Слово писателя сдается заглушить политики, журналисты, пропагандисты. В этих условиях все чаще восприятие литературного текста стало зависеть от личностно-биографического контекста. Писатель отныне осознает себя автором не только своих книг, но и творцом собственного литературного «я». «Зрелищное» (Б. Пастернак) понимание личности и биографии литератора оказывается неизбежной реакцией как на энтропию личностного начала, обусловленную исторической реальностью, так и на превращение литературы в профессию. Тексты теперь – поэтические прежде всего, но и прозаические тоже – или умножаются на масштаб личности, или обесцениваются малостью таковой. Кроме того, в статье обращается внимание на репутационные характеристики таких категорий и реалий, как язык, национальная литература, номинации «писатель» и «поэт», период истории литературы, жанр, произведение, имя персонажа, литературная премия, книжная серия. Тезисы автора статьи иллюстрируются примерами из русской и зарубежной литературной практики XIX–XX вв.

Ключевые слова:
репутация автора;
литературный процесс;
писатели; поэты;
литературное творчество;
социология литературы.

Bykov L. P.
Ekaterinburg, Russia

REPUTATION IN LITERATURE: NOTES TO THE PROBLEM

Abstract. The article publishes the results of a preliminary study of applicability of the ethical category “reputation” to literary realities and the literary process. The publicity of literary activity makes the problem of the author's reputation really important and up-to-date. Attention to the extra-literary side of the writer's life was marked for the first time in the era of romanticism, and yet in the nineteenth century the text of a verse, poem and, especially, prose possessed the presumption of self-sufficiency. The situation fundamentally changed in the era of the Silver Age: in the twentieth century, not to mention the twenty-first, mankind was ruled by large, very large numbers, with which just letters, in whatever perfect order they might appear, can hardly compete. The letters themselves are too many. The world is drowning in an ocean of words flooding upon us from the pages of newspapers, magazines, books, from headphones, from TV screens, and, more recently, from computers. Modern politicians, journalists and propagandists try to shout the writer down. In these civilizational circumstances, the perception of a literary text more and more often becomes dependent on the personal-biographical context. The writer is now aware of himself not only as the author of his books, but also as the creator of his own literary self. The “spectacular” (B. Pasternak) understanding of the personality and biography of the writer turns out to be an inevitable response to both the entropy of the personal principle formed by historical reality, and to the transformation of literature into a profession. The texts now – first of all poetic and also prosaic ones – are either multiplied by the scale of the person or depreciated by that. In addition, the article draws attention to the reputational characteristics of such categories and realities as language, national literature, the nominations “writer” and “poet” period of literary history, genre, work, character name, literary prize and book series. The author's theses are illustrated by examples from Russian and foreign literary practice of the 19th–20th centuries.

Keywords:
author's reputation;
literary process;
writers;
poets; literary activity;
sociology of literature.

Для цитирования: Быков, Л. П. Репутация в литературе. Заметки к теме / Л. П. Быков // Филологический класс. – 2019. – № 2 (56). – С. 67–72. DOI 10.26170/FK19-02-08.

For citation: Bykov, L. P. Reputation in Literature: Notes to the Problem / L. P. Bykov // Philological Class. – 2019. – № 2 (56). – P. 67–72. DOI 10.26170/FK19-02-08.

Репутация – понятие очевидно этическое, а не эстетическое. Оно отсутствует в Словарях литературоведческих терминов и Краткой литературной энциклопедии. Репутациями служителей муз социум интересовался всегда, литературоведы же о роли репутационного аспекта заговорили было почти столетие назад, когда Ю. Н. Тынянов стал рассуждать про «литературную личность», Б. М. Эйхенбаум повел речь об особенностях литературного быта, а И. Н. Розанов заговорил о теории и истории литературных репутаций как «новых областях для изучения». Книга последнего с показательным названием «Литературные репутации» (1928) появилась почти одновременно с «Биографией и культурой» (1927) Г. О. Винокура, «Морфологией сказки» (1928) В. Я. Проппа, «Проблемами творчества Достоевского» (1929) М. М. Бахтина, «Архаистами и новаторами» (1929) Ю. Н. Тынянова, сборником статей О. Мандельштама «О поэзии» (1928) и «Охранной грамотой» (1931) Б. Пастернака, но этот, по выражению Л. Я. Гинзбург, «красивый жест книжного рынка», остался тогда по причине резко изменившегося идеологического климата без резонанса, и о литературных репутациях не вспоминали многие десятилетия, до появления в самом начале 2000-х работ социологов культуры М. Ю. Берга, А. И. Рейтблата, Б. В. Дубина и Л. Д. Гудкова. О том, что репутационный фактор востребован литературоведческой аналитикой, свидетельствуют и недавно вышедшие книги «Литературные медиаперсоны XX века» (2017) Вл. Новикова, «К истории культа Гумилева» (2019) Р. Д. Тименчика и сборник ИМЛИ «Биография в истории культуры» (2018).

Сама эта категория заимствована на стороне. Литературоведение, формируя свой понятийный словарь, и прежде не чуралось терминологической ипотеки, перенимая «метод» – у философов, «жанр» – у биологов, «хронотоп» – у физиологов. На сей раз донором оказалась этика.

Прежде всего значима *репутация языка*, обуславливающего социально-эстетическую состоятельность конкретного автора и литературы в целом. Разногласию восторженных суждений литераторов разных веков и несхожих творческих устремлений о русской языковой стихии ограничу патриотичной фразой космополита И. Бродского: «Пока есть такой язык, как русский, поэзия неизбежна» [Бродский 1988].

Вправе говорить и о *репутации национальных литератур*: достаточно вспомнить мотивировки, обосновывающие Нобелевские премии И. Бунину («за строгое мастерство, с которым он развивает традиции русской классической прозы») или А. Солженицыну («за нравственную силу, с которой он следует традиции русской литературы»). Впрочем, есть основания настаивать на литературной репутации целых континентов, поскольку, скажем, понятие «латиноамериканская проза» – не только географическое, но и эстетическое.

Репутационный капитал несомненен и у таких номинаций, как *писатель* и – особенно – *поэт*. Тот же

И. Бродский повторял суждение Роберта Фроста: «Сказать о себе, что ты поэт, так же нескромно, как если сказать о себе, что ты хороший человек» [Бродский 2000: 423]. Вместе с тем, вспомним, чего не хватало для полноты счастья Л. И. Брежневу. Ведь только когда под его именем вышла не забытая еще трилогия («Малая Земля», «Возрождение», «Целина»), тут же удостоенная Ленинской премии по литературе, принятый в ряды Союза писателей СССР генсек считал свою земную миссию исполненной.

Напрашивается и разговор о *репутации искусства слова* среди прочих видов искусств. У Д. С. Лихачева есть запись на сей счет: «По мысли Гейне („Флорентийские ночи“, глава первая), в Италии „музыка стала нацией“ <...> В России же (и это мое) нацией стала литература» [Лихачев 1989: 416]. Нас и впрямь ничуть не удивляет словосочетание «литература и искусство», а ведь остающееся для русского слуха привычным, иностранцев оно шокирует почти так же, как выражение «женщины и люди». Литературоцентризм отечественной культуры XIX–XX веков безусловен: представители словесности конкурировали здесь с политиками и попами за власть над умонастроениями и чувствами граждан. И не только чрезвычайные испытания войн, становившихся Отечественными, или такие свершения, как полет Гагарина, но и прочитанные и обсуждаемые строки по-русски написанных стихов и прозы делали живущее на этой территории население – обществом. Народом.

Увлекательным способен быть разговор о *репутации жанра*. Ныне «Один день Ивана Денисовича» в книгах А. Солженицына помещается под рубрикой «Рассказы», меж тем при его первопубликации в «Новом мире» текст был представлен как повесть: редакция добавила – для большей весомости – жанровую подпорку. А назови Венедикт Ерофеев свое сочинение повестью – оно при тех же самых буквах смотрелось бы куда зауряднее, чем при позиционировании «Москвы – Петушков» поэмой. Известно, что А. Чехов, чьи пьесы, рассказы и письма насыщены романским содержанием, хотел написать собственно роман. Романная форма – вопреки категоричным диагнозам от О. Мандельштама и В. Шаламова – остается и по сей день востребованной не только книгопроизводством и премиальными сюжетами, но и самой длящейся жизнью. А вот век поэм, причем не только эпических, кажется, уже умчался, хотя и не так далеко, как, положим, время басен.

Самый красноречивый случай, связанный с репутацией жанра, имел место недавно, правда, не в литературном мире, а экранном. Режиссер и сценарист А. Красовский в фильме «Праздник» представил историю о том, что в блокадном Ленинграде голодали, оказывается, не все, а были семьи (причем не из партийной даже номенклатуры), встречавшие Новый год едой, большинству ленинградцев не доступной. В этом сюжете драматического, а то и трагического виде-

лось несравнимо больше, чем комического. Но автор в предпремьерных интервью почему-то назвал свой фильм комедией, да еще и черной, чем, понятно, спровоцировал шквал возмущения.

Существует репутация того или иного периода в истории литературы. Нравится или (положим, Омри Ронену) не нравится образное именование рубежа XIX–XX столетий как Серебряного века отечественной словесности, это «ювелирно-металлургическое» определение, в котором очевидна оценочная составляющая, стало общепринятым. Равно как свой репутационный ореол беспорочен и у литературы «оттепели».

Имеет место и репутация издания. Историкам литературы тех же «оттепельных» лет памятна оппозиция журналов «Октябрь» и «Новый мир» (пожалуй, только два автора – В. Шукшин и В. Соколов – во второй половине 1960-х публиковались в обоих). Вл. Леонович имел право, говоря о том времени, подчеркнуть, что «общественная совесть приняла форму журнала» (Нева, 2010, № 10, с. 118). В наши годы признаться стихотворцу, в каком журнале его привечают – «Знамени» или «Нашем современнике», «Воздухе» или (добрая ему память) «Арионе», – это ведь аттестовать себя как творческую единицу очень определенно. Верен подобный вывод и в отношении литературоведов: автор «Нового литературного обозрения» едва ли понесет очередную статью в «Вопросы литературы», как не наблюдается и встречного движения. Репутация трибуны влияет и на имидж с нее выступающего. Симптоматична запись в дневнике Л. Левицкого: «Благодаря „Континенту“ его редактор В. Максимов занял в литературе место, никак не соответствующее более чем скромному вкладу в нее» [Левицкий 2006: 589]. В интернет-эпоху не умолчишь и о репутации того или иного литературного сайта.

Правомерно рассуждать о репутации термина. Привычному для минувшего века словосочетанию «литература русской эмиграции» текущие годы предпочли идеологически более нейтральное «литература русского Зарубежья». А недавно в критическом обиходе возникло и «русское безрубжье» [Зубарева 2015].

Есть основания говорить и о репутации произведения – особенно в отношении творческой индивидуальности его создателя. Когда звучит: «автор „Войны и мира“», – все понимают, что имеется в виду Л. Толстой, хотя поэма с таким же (в послеоктябрьской транскрипции) названием есть и у В. Маяковского. Примечательна и оговорка одного нерадивого первокурсника: «Как зовут Шекспира?» – «Гамлет». Известно, что М. Светлов сетовал, что на каждой встрече с читателями просили прочитать «Гренаду», и точно так же сокрушался Б. Слуцкий: «Про меня вспоминают и сразу же – про лошадей, / рыжих, тонущих в океане...». Подобного же рода признание М. Зощенко: «Каждый вечер превращается для меня в пытку. С трудом я выхожу на эстраду <...> Кто-то сверху кричит: – „Баню“ давай... „Аристократку“... Чего ерунду читаешь?» [Зощенко 1987: 188]. При этом такое «именное» сочинение вовсе не обязательно оказывается у писателя самым совершенным. Скажем, у М. Булгакова «Мастер и Маргарита» явно затеняет собой более выверенную «Белую гвардию».

Можно говорить о карьере литературного имени (как, само собой, и писательского). В Гарварде читал-

ся курс «История Отелло». По аналогии вполне реальны «История Дон-Кихота» или «История Дон-Жуана». А в русской словесности любопытнейшие сюжеты связаны особенно с женскими именами: Лиза/Лизавета (Карамзин, Пушкин, Достоевский, Тургенев...), Софья/Соня (Фонвизин, Грибоедов, Достоевский, Гончаров, Улицкая...), Катерина (Гоголь, Островский, Лесков, Л. Толстой, Достоевский, Блок, А. Н. Толстой...). Есть работы, посвященные культурному резонансу таких имен, как Нина и Светлана.

Напрашивается аналитика, посвященная «манкому» слову в названии – таким, как «Любовь» – особенно в линейке «дамской прозы» и «Тайна» – в детективном жанре и/или в книгах для подростков. Примечательно признание литератора А. Етоева, написавшего развернутый очерк о массовой детской литературе: «Если б не название, моя книжка никогда не увидела бы читателя. Единственное, на что клюнул издатель, – это название» [Етоев 2016: 122]. Книга называлась – «Душегубство и живодерство в детской литературе» (СПб., 2001). А вот классический детектив А. Кристи «Десять негрятят» в силу диктата политкорректности в новых изданиях стал именоваться «Никого не стало». Вообще о репутации заголовочных комплексов немало любопытного в пионерской работе С. Кржижановского и современных трудах Н. А. Веселовой, Е. В. Джанджаковой, Ю. Б. Орлицкого.

Особого разговора заслуживает репутация литературных премий. Существует и репутация книжного формата – достаточно назвать такие престижные серии, как «Литературные памятники», «Библиотека поэта», «Редакция Елены Шубиной». Есть основания размышлять о литературной репутации того или иного места. На мой взгляд, Саратов – город литературный, а Волгоград таковым назвать не получается. И, конечно, целая мифология сложилась вокруг поселков особого писательского притяжения – таких, как Переделкино, Комарово, Малеевка, Дубулты.

Но самое важное – это, конечно же, репутация автора. Репутация конкретного писателя или поэта. Еще два столетия назад репутация homo scribens определялась если и не всецело, то по преимуществу тем, что этим homo написано. Читающую публику, равно как и самого пишущего, мало заботило, каков поэт, когда его к священной жертве Аполлон не требует. Служитель муз существовал «В двух планах», как называлась статья В. Вересаева в журнале «Красная новь», из которой вскоре вырастет знаменитая книга «Пушкин в жизни» (1926). Потому и было возможно недоумение Я. Полонского, выразившееся в одном из писем А. Фету (от 25 октября 1890 г.): «Что ты за существо – не понимаю. Откуда у тебя берутся такие елейно-чистые, юношественно-благоговейные стихотворения?» [цит. по: Благой 1975: 49]. А уже в XX веке другой поэт, превратившийся в прозаика, а потом и литературоведа, А. Егунов (А. Николев) тоже питал особую расположенность к фетовской лирике, но, свидетельствует мемуаристка, «поскольку фотография Фета противоречила воздушным образам его стихов, Егунов выдрал ее из книги» [Никольская 1997: 232]. Вот буквальное подтверждение пушкинского мнения: «Стихи отводят от портрета, / Портрет отводит от стихов».

«Людификация» (слово Андрея Белого) литературной практики – и прежде всего деятельности поэтической – со всеми сопутствующими этой тенденции репутационными обертонами отчетливо обозначилась в культуре Серебряного века и на протяжении последующего столетия только усиливалась. И даже в тех случаях, когда писатель упорно отклонялся от общественного внимания, предпочитая оставаться только фамилией на обложке, как, скажем, В. Богомолов, автор «Ивана» и «Момент истины», это все равно сказывалось на представлениях о нем как литературной личности (см. роман О. Кучкиной «В башне из лобной кости. М., 2010).

Казавшаяся неизбежной и неустранимой альтернативность между литературой и жизнью литератора стала микшироваться, и отныне уже возможно говорить о репутационном эффекте «ленты Мёбиуса», когда частно-персональное оборачивается литературным, а литературное так или иначе проступает в житейской практике или, по выражению Б. Поплавского, «в водопаде бывания».

Творящий дух и жизни случай

Тебе мучительно слиты, –

пафосно констатировал находившийся у истоков русской поэзии нового времени И. Анненский. В ином тоне эту «нераздельность» и «неслиянность» характеризовал в частном письме середины 1920-х гг. будущий академик В. В. Виноградов: «Карты литературы и жизни перемешиваются, и выигрывает шулер, т. е. тот, кто заранее составил из них одну колоду» [Новый мир, 1995, № 1: 194].

Цивилизационные процессы неизбежно делают служителя муз, обращающего свое слово граду и миру, персоной публичной, а не сегодня было замечено, что «быть человеком публичным хуже, чем публичной женщиной» [Соллогуб 1974: 489]. Но все дело в том, что в XX веке, не говоря уже о XXI-м, человечество оказалось под властью больших, очень больших цифр, с которыми просто буквам, в каком бы совершенном порядке они ни предстали, соперничать крайне проблематично. Самых букв явный переизбыток. Мир тонет в океане слов, захлестывающих нас со страниц газет, журналов, книг, из наушников, с экрана телевизора, а с недавних пор – еще и компьютера. Слово писателя сияется заглушить политики, журналисты, пропагандисты. И все чаще сегодня соглашаешься с поэтом: «Мысль изреченная есть ложь». А если и сочувствуем мы, если внять другому тютчевскому афоризму, то уже не столько изречению (тексту), сколько изрекателю. Только тут возможна благодать понимания и сочувствия. «Слово без человека – паспорт покойника», – восклицал монархист В. В. Розанов. И в этом с ним был солидарен марксист Г. В. Плеханов: «Когда два человека говорят одно и то же, это не одно и то же». Важен личностный контекст, ведь, как замечено в одном из современных романов, «даже слово „архангел“ становится бранным, когда его произносит сатана» [Рыбаков 1993: 138].

Репутационный фактор обусловлен, с одной стороны, коммуникативными потребностями. Помните, С. Есенин наставлял коллегу: «А без славы ничего не будет! Хотя ты пополам разорвись – тебя не услышат. Так вот Пастернаком и проживешь!» [Асеев 1986: 315–

316]. Рано ушедшему из жизни автору «Москвы кабацкой» и «Сорокоуста» было не дано узнать, что известность его современника окажется во второй половине XX столетия несопоставимо масштабной славы того, кто «похабничал и скандалил для того, чтобы ярче гореть». «Зрелищное понимание биографии» и личности пишущего, с чем не соглашался Пастернак, полагавший, что «быть знаменитым некрасиво», становится неизбежностью.

Тексты теперь – поэтические прежде всего, но и прозаические тоже – или умножаются на масштаб личности, или обесцениваются малостью таковой. Едва ли не самый красноречивый здесь – шолоховский казус: не оконченная и по сей день дискуссия об авторстве «Тихого Дона» стала возможна потому прежде всего, что разноречие между смысловой объемностью романа и духовной ограниченностью того, чья фамилия значилась на титульном листе, с годами проступала все очевидней.

С другой стороны, писатель ныне осознает себя автором не только своих книг, не только родителем своих персонажей, но и творцом своего «я», героем собственной жизни, для которого то, что с ним было и происходит, может быть увлекательно и значимо не менее, а то и более, нежели то, что запечатлено в его строчках. При этом, рассказывая в дневниках, мемуарах, письмах о себе и о других, а также позиционируя себя в повседневном быту, он, писатель, остается писателем, относясь к прочим персонам и себе, любимому, как к прототипам. Отсюда возникает намеренная или подсознательная самопрезентация, нередко оборачивающаяся мифологизацией. Формы и механизмы литературного имиджмейкерства (литературное имя, житейская практика, публичные выступления, интервью, суждения критиков и многое другое вплоть до того, как продавец снов и слов уходит из жизни) – очень интересная и отдельная тема, связанная прежде всего с такой категорией, как творческое поведение.

Столь нетерпимые к культу политиков, мы лелеем культ Пушкина, Л. Толстого, Ахматовой, Гумилева, Набокова, Высоцкого, Вен. Ерофеева, Бродского, а когда появляются антитоталитарные в этом плане публикации вроде «Прогулок с Пушкиным» Абрама Терца (А. Синявского) или «антиахматовских» статей А. К. Жолковского, начинаем на их авторов сердиться.

«Все полюбили лицо, а не искусство», – констатировал Ю. Тынянов [Тынянов 1965: 250, курсив автора – Л.Б.], объясняя притяжение публики к А. Блоку. Так ведь и сегодня интерес к личности, биографии, судьбе писателя нередко конкурирует с интересом к его произведениям. Как сформулировано Е. Шварцем, «гениальность – не степень одаренности, или не только степень одаренности, а особый склад всего существа» [Шварц 1990: 508]. Вот интерес к этому самому «складу всего существа» и побуждает читать мемуары писателей и о писателях («Былое и думы», «Живые лица», «Некрополь», «Люди и положения», «Люди, годы, жизнь», «Курсив мой», «Телефонная книжка», «Эпилог» и даже «Петербургские зимы», «На берегах Невы» и «На берегах Сены», книги воспоминаний А. Мариенгофа, Б. Лившица, Н. Мандельштам, Л. Чуковской, Э. Герштейн и др., а также коллективные сборники па-

мяти того или иного служителя муз), дневники и письма К. Чуковского, Д. Самойлова, Ю. Нагибина, В. Астафьева, А. Гладкова, Л. Левицкого – обрываю перечень). Примечательный на сей счет верлибр встретился у Юрия Белаша (1920-1988):

Люблю я Пастернака. Но странною любовью.
Стихи читаю редко и без большой охоты.
Зато –
все, что о нем, читаю как
«Жизнь замечательных людей», рассказанную им
и лишь другими застенографированную.

Да что, в конце концов, стихи?..
Осколки жизни человечьей – и только,
пусть даже и прекрасные.

[Белаш 1990: 368]

Отдельного разговора заслуживает упомянутая поэтом давняя издательская серия «Жизнь замечательных людей» («ЖЗЛ»). Книги этого ряда становятся все более писательскими не только оттого, что среди ее героев писателей и поэтов становится заметно больше, но и потому, что эти издания – пусть и не все, конечно, – отмечены авторской позицией в отношении «своего» писателя. В силу этого оказывается возможным почти одновременный выход в «ЖЗЛ» двух книг о Пастернаке (Д. Быкова и А. Сергеевой-Клятис) и Бродском (Л. Лосева и В. Бондаренко). К этому же ряду примыкают издания серии «Писатель без грима» (составитель П. Фокин) и книги Н. Громовой, представляющие собой композицию выписок из документов и мемуарных источников.

Но и репутация текстов остается для репутации писателя, само собой, первостепенно значимой. «Мы не можем читать неизвестного автора так, как читаем маститых. В книге нового автора мы ищем только достоинства или недостатки и, даже если видим и то, и

другое, не замечаем их соотношения. Имея дело с известным автором (если мы вообще способны его воспринимать), мы точно знаем, что не можем наслаждаться его мастерством, не мирясь при этом с досадными промахами. Более того, мы воспринимаем его не только эстетически. Помимо литературных достоинств, его новая книга представляет для нас историческую ценность как творение человека, который нам давно интересен. Он уже не просто поэт или прозаик – он часть нашей биографии», – так комментировал соотношенность текста с автором У.-Х. Оден [Оден 2016: 31].

Н. Пунин, имея в виду В. Шкловского, констатировал: «Человека в нем больше, чем литературы» [Пунин 1989: 174]. В наши дни М. Жванецкий, говоря о Б. Окуджаве, признался: «Счастье его знать – больше, чем петать и читать» [Жванецкий 2015: 32]. А склонный к мизантропии И. Бродский написал про того же Одена: «Что бы то ни было, чтение его – один из очень немногих – если не единственный – доступных способов почувствовать себя порядочным человеком» [Бродский 2001: 163–164].

В современном мире, где, кажется, «все на продажу», где гений и злодейство, талант и житейская небезупречность вполне могут уживаться в одной персоне, очень важно чувствовать и знать, что жизнь духа и человеческая порядочность возможны не только в стихах и романах. Равно как и помнить, что если персонаж, пусть и главный, поступает в произведении крайне безнравственно, а то и бесчеловечно, автор санкционирует подобное поведение отнюдь не по причине собственного бесстыдства или злодейства. Вот почему разговор о литературных репутациях будет иметь продолжение. Вот почему, что бы ни твердили Р. Барт и его сторонники про «смерть автора», писатель, пусть даже давно ставший памятником, остается живее если не всех живых, то – многих.

ЛИТЕРАТУРА

- Асеев Н. Н. Встречи с Есениным // С. А. Есенин в воспоминаниях современников: в 2 т. – М.: Худож. лит., 1986. – Т. 2.
Белаш Ю. Окопные стихи. – М.: Сов. писатель, 1990.
Благой Д. Мир как красота: О «Вечерних огнях» А. Фета. – М.: Худож. лит., 1975.
Бродский И. Большая книга интервью / сост. В. Полухина. – М.: Захаров, 2000.
Бродский Иосиф: Пока есть такой язык, как русский, поэзия неизбежна / интервью вели Ю. Коваленко и Эд. Поляновский // Известия. – 1988. – 4 дек.
Бродский И. Поклониться тени: Эссе. – СПб.: Азбука, 2001.
Зоценко М. Исповедь. – М.: Сов. Россия, 1987.
Зубарева В. Русское безружье // Дружба народов. – 2015. – № 5.
Жванецкий М. Собрание произведений: Десятилетия. – М.: Эксмо, 2015.
Етоев А. Территория книгоедства. – СПб.: Лимбус Пресс, 2016.
Левицкий Л. Термос времени: Дневник. 1978-1997. – СПб.: Изд-во Сергея Ходова, 2006.
Лихачев Д. Заметки и наблюдения: Из записных книжек разных лет. – Л.: Сов. писатель, 1989.
Никольская Т. Из воспоминаний об А. Н. Егунове // Звезда. – 1997. – № 7.
Оден У.-Х. Чтение. Письмо. Эссе о литературе. – М.: Изд-во Ольги Морозовой, 2016.
Пунин Н. Н. Искусство и революция // Панорама искусств: Вып. 12. – М.: Искусство, 1989.
Рыбаков В. Гравилет «Цесаревич»: роман // Нева. – 1993. – № 7.
Соллогуб В. А. Воспоминания // А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: в 2 т. – М.: Худож. лит., 1974. – Т. 2.
Тынянов Ю. Проблема стихотворного языка. Статья. – М.: Сов. писатель, 1965.
Шварц Е. Живу беспокойно...: Из дневников. – Л.: Сов. писатель, 1990.

REFERENCES

- Aseev, N. N. (1986). *Vstrechi s Eseninym*. [Meetings with Yesenin]. In S. A. *Esenin v vospominaniyakh sovremennikov*, v 2 t. M., Khudozh. lit. Vol. 2.
Belash, Yu. (1990). *Okopnye stikhi*. [The Poems from Trenches]. M., Sov. pisatel'.
Blagoy, D. (1975). *Mir kak krasota: O «Vechernikh ogniyakh» A. Feta*. [The World as a Beauty: About "Evening lights" by A. Fet]. M., Khudozh. lit.
Brodskiy Iosif. *Poka est' takoy yazyk, kak russkiy, poeziya neizbezhna*. [Brodsky Joseph: As Long as there is Such a Language as Russian, Poetry is Inevitable] (1988). Interv'yu veli Yu. Kovalenko i Ed. Polyanskiy. In *Izvestiya*. 4 dekabr'ya.

- Brodskiy, I. (2001). *Poklonit'sya teni: Esse*. [Bow down the shadow: Essays]. St. Petersburg, Azbuka.
- Brodsky, I. (2000). *Bol'shaya kniga interv'yu*. [The Big Interview Book] / ed. by V. Polukhina. M., Zakharov.
- Etoev, A. (2016). *Territoriya knigoedstva*. [The territory of bookishness]. St. Petersburg, Limbus Press.
- Levitskiy, L. (2006). *Termos vremeni: Dnevnik. 1978–1997*. [Thermos Time: Diary. 1978–1997]. St. Petersburg, Izd-vo Sergeya Khodova.
- Likhachev, D. (1989). *Zametki i nablyudeniya: Iz zapisnykh knizhek raznykh let*. [Notes and Observations: From Notebooks of Different Years]. L.: Sov. pisatel'.
- Nicol'skaya, T. (1997). *Iz vospominaniy ob A. N. Egunove*. [From the Memories of A. N. Egunov]. In *Zvezda*. No. 7.
- Oden, U.-Kh. (2016). *Chtenie. Pis'mo. Esse o literature*. [Reading. Letter. Essay on Literature]. M., Publishing House of Olga Morozova.
- Pudin, N. N. (1989). *Iskusstvo i revolyutsiya*. [Art and Revolution]. In *Panorama iskusstv: Vyp. 12*. M., Iskusstvo.
- Rybakov, V. (1993). *Gravilet «Tsesarevich»: roman*. [Gravilet "Tsesarevich: a Novel]. In *Neva*. No. 7.
- Shvarts, E. (1990). *Zhivu bespokoyno...: Iz dnevnikov*. [I Live Uneasily ...: From Diaries]. L., Sov. pisatel'.
- Sollogub, V. A. (1974). *Vospominaniya*. [Memories]. In A. S. Pushkin v vospominaniyakh sovremennikov, v 2 t. M., Khudozh. lit. Vol. 2.
- Тунянов, Ю. (1965). *Problema stikhotvornogo yazyka. Stat'i*. [The Problem of Poetic Language. Articles]. M.: Sov. pisatel'.
- Zhvanetskiy, M. (2015). *Sobranie proizvedeniy: Devyanostye*. [Collected Works: The Nineties]. M., Eksmo.
- Zoshchenko, M. (1987). *Ispoved'*. [Confession]. M., Sov. Rossiya.
- Zubareva, V. (2015). *Russkoe bezrubezhe*. [Russian borderless]. In *Druzhba narodov*. No. 5.

Данные об авторе

Быков Леонид Петрович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург).
Адрес: 620000, Россия, Екатеринбург, пр-т Ленина, 51.
E-mail: bykov0947@yandex.ru.

Author's information

Bykov Leonid Petrovich – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Russian and Foreign Literature, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Ekaterinburg).